

© 2017 г.

В.Н. ЗЕМЦОВ

НАЧАЛО ВОЙНЫ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ В 1812 году (по французским архивным документам)

Земцов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета; заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

10(22) июня¹ посол Франции в Петербурге Ж.А.Б.Л. Лористон вручил управляющему министерством иностранных дел Российской империи А.Н. Салтыкову ноту, в которой говорилось: «Поскольку князь Куракин, сделав заявления, которые ему были доставлены с последним курьером из России, затребовал свои паспорта и трижды повторил свою просьбу, е[го] в[еличест]во [Наполеон] повелел вручить их ему. Он приказывает мне затребовать мои паспорта, так как моя миссия окончилась, поскольку просьба князя Куракина о выдаче ему паспортов означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считают себя в состоянии войны с Россией»².

Каким образом могла возникнуть ситуация, когда русский посол во Франции А.Б. Куракин, не имея на то прямого повеления из Санкт-Петербурга, взял на себя смелость объявить о разрыве отношений между Россией и Францией, что означало формальное начало войны между двумя державами? Этот, казалось бы, частный вопрос, заставляет обратиться к более важной проблеме причин и обстоятельств возникновения войны 1812 года и той роли, которую в ее происхождении сыграли действия отдельных лиц, причастных к выработке и реализации внешней политики двух стран³. Помимо ранее опубликованных российских документов в статье широко использованы материалы, хранящиеся в Архиве министерства иностранных дел Франции и Национальном архиве Франции, многие из которых впервые вводятся в научный оборот⁴.

¹ Даты даны либо по новому стилю, либо указываются старый и новый стили.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1962, т. 6 (далее – ВПР), с. 756, прим. 467.

³ Проблематика, к которой мы обратились, в отечественной историографии наиболее полно освещена А.Н. Поповым (*Попов А.Н. Отечественная война 1812 года*, т. 1. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. М., 2008), В.Г. Сироткиным (*Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг.* М., 1966) и В.М. Безотосным (*Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году*. М., 2005), в зарубежной историографии – А. Тьером (*Thier A. Histoire du Consulat et de l'Empire*, t. 13. Paris, 1856) и А. Вандалем (*Vandal A. Napoléon et Alexandre I*, t. 3. Paris, 1896). Совершенно выбивается из отечественной традиции работа О.В. Соколова (*Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812*. М., 2012), в которой автор всю ответственность за разрыв французско-русского союза возложил на российскую сторону.

⁴ Archives du Ministère des affaires étrangères. Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie» (далее – АМАЕ), v. 153–154: Série «Correspondance politique. Supplément», v. 17; Archives Nationales (далее – АН). AFIV. AP 204. Maret. Dossier 2; AN FVII. 6575.

Вопросам ухудшения и окончательного разрыва французско-русского союза, который был оформлен в 1807 г. в Тильзите, посвящена обширнейшая литература. На сегодняшний день, очевидно, что обе стороны достаточно быстро осознали шаткость тильзитских договоренностей и начали готовиться к возможности открытого столкновения. Документы, опубликованные в 2014 г. в новом издании корреспонденции Наполеона, свидетельствуют, что французский император принял окончательное решение о систематической подготовке к войне с Россией в начале октября 1810 г. и сориентировал завершение этих приготовлений на март 1812 г.⁵ Последовательно готовилась к войне и Россия. «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Ни России с точностью сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно», — констатировал в записке, подготовленной в конце 1811 — начале 1812 г., государственный секретарь М.М. Сперанский. Он предлагал средства, с помощью которых «можно удалить войну, но никак нельзя отратить ее на долгое время»⁶. Строки Сперанского точно отразили суть того выбора, перед которым оказалась русская государственная элита во главе с Александром I. Петербург должен был либо отодвинуть сроки начала войны путем демонстрации своего миролюбия, входя при этом в различного рода объяснения с Наполеоном, либо же, заняв твердую позицию, решиться на быстреее военное столкновение с Францией. Подобный выбор зависел от множества обстоятельств. Александр I, как показали дальнейшие события, предпочел последний вариант, в то время как Сперанский и канцлер Н.П. Румянцев склонялись к первому варианту. Долгое время разделял мнение последних и русский посол в Париже Александр Борисович Куракин.

К началу 1811 г. А.Б. Куракин, несмотря на все свои попытки помочь сохранению русско-французского союза, уже ясно видел приготовления со стороны Франции к войне с Россией⁷. 7 мая 1811 г., после того как Куракин передал Наполеону собственноручное письмо Александра I с поздравлениями по случаю рождения римского короля, французский император в течение двух часов рассуждал о том, что Франция активно готовится к войне с Россией, «хотя и не желает ее». Столь откровенные заявления Наполеона чрезвычайно обеспокоили Куракина и даже несколько испугали его. В отчете Александру I, написанном в тот же день, 7 мая, он выразил надежду на возможность договориться с Наполеоном и просил прислать ему полномочия для ведения переговоров⁸.

В течение летних месяцев 1811 г. настроение А.Б. Куракина и оценки им происходящего во Франции и в Европе заметно изменились. Если ранее русский посол еще сохранял сдержанный оптимизм, то теперь он был почти уверен в неизбежности войны. В письме к государственному канцлеру Н.П. Румянцеву от 2(14) августа он отмечал, что Франция наращивает приготовления к войне с Россией. Поэтому, полагал А.Б. Куракин, необходимо скорейшее заключение мира с Турцией и восстановление отношений с Англией⁹. Уже на следующий день, 15 августа, во время большого приема в Тюильри, Наполеон во всеуслышание обвинил Россию в невыполнении ранее достигнутых договоренностей и в стремлении ее к развязыванию большой европейской войны¹⁰.

⁵ Napoléon Bonaparte. Correspondance générale (далее — CG), t. 10. Paris, 2014. № 24816, p. 743–748.

⁶ Записка М.М. Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира. — Русская старина, 1900, т. 101, № 1, с. 57, 65.

⁷ См., например: Куракин — Александру I. Париж. 6(18) февраля 1811 г. — Сборник императорского российского исторического общества (далее — СИРИО), т. 21, с. 329–331.

⁸ Куракин — Александру I. Париж, 25 апреля (7 мая) 1811 г. — Русский архив (далее — РА), 1870, с. 121–136; Куракин — Румянцеву. Париж, 27 апреля (9 мая) 1811 г. — ВПР, с. 106–107.

⁹ ВПР, с. 142–145; *Понов А.Н.* Указ. соч., с. 66–69.

¹⁰ См.: Куракин — Румянцеву. 3(15) августа 1811 г. — РА, 1870, с. 135–162; *Понов А.Н.* Указ. соч., с. 210–217; *Vandal A.* Op. cit., p. 210–217; Циркуляр Бассано. Париж, 25 августа 1811 г. — АМАЕ, v. 153. f. 170–175, 176–178; и др.

На следующий день, 16 августа, Наполеон изложил министру иностранных дел Франции Ю.Б. Маре, герцогу Бассано основные соображения по поводу отношений с Россией и четко определил задачи: 1. Продолжить переговоры с Россией, дабы выиграть время и окончательно убедиться в ее несговорчивости. 2. Начать переговоры с Австрией и Пруссией для создания «новой системы союзов». 3. Интенсивно продолжать военные приготовления¹¹.

В начале 1812 г. движение воинских масс Великой армии к границам России продолжалось без остановки, причем и Наполеон, и Маре стали демонстративно игнорировать русского посла, который представлял интересы державы, все еще формально находившейся в союзнических отношениях с Францией. Положение, в каком оказался Куракин, усугублялось для него тем, что он не получал из Петербурга никаких определенных указаний на предмет своих действий. «Окруженный предвестиями близкого разрыва и в таких затруднительных обстоятельствах, я с грустью и беспокойством нахожусь лишенным приказаний, наставлений и сведений!»¹².

Между тем в начале 1812 г. Наполеон дал указания министру полиции А.Ж.М.Р. Савари, герцогу Ровиго и министру иностранных дел Ю.Б. Маре найти доказательства разведывательной деятельности полковника А.И. Чернышева, состоявшего при русском посольстве в Париже. Наполеону нужен был скандал, дабы обвинить Петербург в двуличности и агрессивных намерениях, оправдывая таким образом уже ставшие очевидными собственные приготовления к походу на Россию.

Напомним, что задолго до появления в 1810 г. в Париже Чернышева, а именно с 1804 г., действовал эффективный источник получения военной информации в лице М. Мишеля, состоявшего вначале чиновником Военного министерства, а затем управления обмундирования войск министерства военной администрации. После отъезда в 1811 г. из Парижа секретаря посольства К.В. Нессельроде, который «вел» к тому времени «группу Мишеля», его функции были переданы сотруднику посольства коллежскому советнику А.Л. Крафту. От Мишеля Крафт лично, а иногда через посредничество бывшего камердинера Нессельроде, а теперь швейцара в русском посольстве (дворце Телюссон) австрийца Ж. Кюстингера (Вюстингера, Рестингера) получал ценнейшие сведения о составе и передвижениях наполеоновских войск. Чернышев, будучи осведомлен о деятельности этого канала, попытался переориентировать его на себя, заставив Вюстингера организовать встречу с Мишелем. Под давлением Чернышева, который пустил в ход не только деньги, но и обещания высокого покровительства, защиты и хорошей пенсии, Мишель начал поставлять полученные в обоих военных министерствах сведения не только Крафту, но и русскому полковнику. Это обстоятельство очень быстро привело к провалу важнейшего поставщика в Петербург разведывательных данных ввиду проявленной полковником неосторожности¹³. Сам же Чернышев, почувствовав опасность, решил как можно скорее покинуть Париж. 23 февраля он написал Н.Н. Демидову, проживавшему во французской столице,

¹¹ АМАЕ, v. 153. f. 145–168. Содержание записки подробно изложено А. Эрнуфом (*Ernouf A. Maret, duc de Bassano. Paris, 1884, p. 301–304*), но в особенности А. Вандалем (*Vandal A. Op. cit., p. 217–225*).

¹² Куракин – Румянцеву. Париж, 24 декабря 1811 г. (5 января 1812 г.). – СИРИО, т. 21, с. 354–356.

¹³ История, связанная с ролью Чернышева в «деле Мишеля», неоднократно освещалась как во французской (*Ernouf A. Op. cit., p. 345–347; Vandal A. Op. cit., p. 313–322; Arboit G. 1812: le renseignement russe face à Napoléon. – Revue de l'Institut Napoléon. № 204. 2012-I, p. 71–86; Roucaud M. "L'affaire Michel" ou le recrutement d'employés pour le compte de Russie. – Revue du souvenir Napoléonien. 2013, № 495*), так и в отечественной (*Тимирязев В.А. Чернышев и Мишель. – Исторический вестник, 1895, № 2. Апрель, с. 605–622; Попов А.Н. Указ. соч., с. 129–133; Сироткин В.Г. Указ. соч., с. 173–178; Безотосный В.М. Указ. соч., с. 53–55*) историографии. Мы обратились к ряду ранее недоступных для отечественного исследователя материалов, прежде всего к «делу Мишеля», хранящемуся в Национальном архиве Франции (AN FVII. 6575), что побудило нас существенно скорректировать общепринятый взгляд на эту тему.

что должен покинуть Францию, поскольку «так складываются обстоятельства». Николая Никитича он просил отговариваться незнанием, если кто-либо будет о нем спрашиваться¹⁴.

Однако неожиданно для Чернышева 25 февраля он был приглашен на аудиенцию в Елисейский дворец к Наполеону. Дело в том, что днем ранее французский император сделал решительный шаг к войне с Россией — был подписан секретный договор с Пруссией на предмет ее участия в войне против северной державы. Поэтому в надежде удержать последнюю как можно дольше в неведении насчет своих истинных намерений Наполеон решает отправить к Александру I Чернышева с коротким письмом¹⁵. Тот факт, что разведывательная деятельность русского офицера в Париже была уже фактом очевидным, придавало его отправке с посланием к русскому царю, по мысли Наполеона, налет изысканной изощренности. 28 февраля Наполеон вторично принял Чернышева. В течение трех с половиной часов французский император говорил о возможности урегулирования спорных вопросов между двумя державами, стараясь закрепить и усилить то впечатление, которое пытался произвести на Чернышева (а через него и на Александра I) двумя днями ранее¹⁶.

Сразу после отъезда Чернышева французская полиция стала производить аресты всех, кто мог быть в ходе его разведывательной деятельности с ним связан. Наряду с Мишелем был арестован и Вюстингер.

Куракин давно наблюдал за бешеной активностью Чернышева с явным неодобрением. Слухи о шпионаже, центром которого было русское посольство, стали циркулировать в Париже уже в феврале. Сразу после исчезновения Вюстингера, понимая, что именно с ним произошло, Куракин обратился к Бассано с настоятельной просьбой дать разъяснения¹⁷. Бассано подготовил на это обращение чрезвычайно резкий ответ, который должен был задеть не только Куракина, но и самого русского императора, позволяющего близким к его престолу лицам заниматься шпионажем¹⁸. Наполеон этот текст не одобрил. Маре пришлось составить и отправить Куракину другой ответ, значительно более краткий и сдержанный, в котором, тем не менее, давалось понять, что задержание Вюстингера связано со шпионской деятельностью Чернышева¹⁹.

Авантюризм Чернышева и провал «группы Мишеля» резко ухудшили возможности для функционирования русского посольства в Париже, прежде всего в отношении сбора данных. 7 марта на стол Савари лег бюллетень, составленный на основе сообщений его агентов, внедренных в русское посольство. В бюллетене сообщалось, что в течение последних дней в русском посольстве было намного меньше посетителей, чем это бывало ранее. Причина заключалась в арестах, которые были произведены в последнее время; и хотя масштабы этих арестов в ведущихся в Париже разговорах значительно преувеличены, злословие публики дало свои результаты. На этом фоне, как доносили соглядатаи, князь Куракин и его помощники резко активизировались.

¹⁴ Чернышев — Н.Н. Демидову. — AN FVII. 6575, f. 394, 396.

¹⁵ Наполеон — Александру I. Париж, 24 февраля 1812 г. — CG, t. 12, № 30048, p. 278. После встречи Наполеона с Чернышевым Бассано кратко сообщил французскому послу в Петербурге Ж.А.Б.Л. Лористону ее содержание и дал понять, что император намерен начать с Россией войну, но при этом французский посол должен был демонстрировать самые миролюбивые чувства (Бассано — Лористону. Париж, 25 февраля 1812 г. — АМАЕ, v. 154, f. 113—115).

¹⁶ Донесение Чернышева о прощальной аудиенции у императора Наполеона [февраль 1812 г.]. Черновой отпуск. — СИРИО, т. 121, с. 161—168.

¹⁷ Куракин — Бассано. Париж, 20 февраля (2 марта) 1812 г. — АМАЕ, v. 154, f. 130.

¹⁸ CG, t. 12, № 30110, p. 314, n. 3.

¹⁹ Бассано — Куракину. Париж, 2 марта 1812 г. Черновик. — АМАЕ, v. 154, f. 132; Бассано — Куракину. Париж, 3 марта 1812 г. — Ibid., f. 133. Что касается Куракина, то, получив ответ от Бассано, он сразу уведомил об этом Петербург (Куракин — Румянцеву. Копия. Париж, 6 марта 1812 г. — АМАЕ, v. 154, f. 135). Тот факт, что в бумагах французского МИДа оказалась копия письма Куракина Румянцеву, определенно свидетельствует, что французы, выявляя русских агентов, сами активно занимались шпионажем.

В здания посольства зачастили «русский грек» Зафиоров, барон Перпушер, близкий к прусскому послу в Париже Ф.В.Л. Круземарку и многие другие лица²⁰.

Как известно, Наполеон решил воспользоваться разоблачением «группы Чернышев – Мишель» в пропагандистских целях, дабы обвинить Петербург в действиях против Франции, прикрыв тем самым собственные приготовления к нападению на Россию. С этой целью было решено организовать публичное разоблачение в общем суде. Это отвечало планам Наполеона еще и в том смысле, что судебный процесс мог состояться только более чем через месяц, что давало возможность «выдержать паузу» и позволить его войскам перейти Одер и достигнуть берегов Вислы. Наконец, 23 марта «по очевидности улик» генеральный прокурор внес в имперский суд Парижа обвинительное заключение по поводу Мишеля и трех его французских соучастников. Через три дня после этого Бассано дал официальный ответ на письмо Куракина от 2 марта по поводу Вюстингера²¹. Продолжая тянуть время и усыплять бдительность Куракина, Бассано предложил дожидаться решения суда. Очевидно, что предложение французского министра иностранных дел отнюдь не успокоило Куракина. Он с нетерпением ждал каких-либо новостей, прежде всего курьера из Петербурга, который должен был доставить ответ на послание Наполеона, отправленное с Чернышевым, а также инструкции для самого Куракина.

Неожиданно 14 апреля из свежего номера «Газет де Франс» Куракин узнал, что днем ранее состоялось первое заседание суда департамента Сены по делу «группы Мишеля». Посол был не просто взволнован; он был возмущен и одновременно испуган. Он не предполагал, что дело о шпионаже, связанное с деятельностью Чернышева, будет предано огласке и что он об этом узнает из газет. Куракин немедленно подготовил ноту и отправил ее Бассано. Русский посол прежде всего напомнил, что на его запрос по поводу исчезновения консьержа посольства министр иностранных дел заявил, что не может на него ответить, дав при этом понять, что обнародование подобного дела может открыть недопустимый компромат государственного уровня. Это тем более удивительно, что, как писал Куракин, «в сегодняшних французских газетах» во всеуслышание было заявлено о фактах «в высшей степени странных» и что действие, происходящее на заседании уголовного суда департамента Сены, «направлено против чести и достоинства моего государя». Куракин был возмущен тем, что французское правительство и министр иностранных дел относились к тому, что говорилось на заседании суда, как к правде, и что они санкционировали публикацию материалов в прессе. Куракин потребовал опровержения²².

Бассано стал изворачиваться, убеждая Куракина в нежелательности подобного рода объяснений. «Я готов испросить дозволения у императора, — заявил он, — но тогда бы пришлось напечатать и все документы, относящиеся к этому делу, чего именно не хотел император, и они не были обнародованы в “Монитёре” потому, что могли быть неприятны как для вашего государя, так и для вашего посольства». На это Куракин ответил так: «Но в чем же вы нас обвиняете? Не употребляете ли вы точно такие же средства, чтобы узнать, что для вас нужно знать? На что употребляются те суммы, которые стоят в ваших бюджетах под рубрикою тайных расходов министерства иностранных дел?»²³.

Заседание суда по «делу Мишеля» продолжалось два дня — 13 и 14 апреля. Мишель был приговорен к смертной казни и 1 мая гильотинирован. Вюстингер был выпущен на свободу, но, как оказалось, ненадолго. Куракин не скрывал своего мнения о том, кто именно был виновником тяжелой ситуации, в которой оказалось русское посольство. 11(23) апреля он писал Румянцеву так: «Чернышев говорил в Лонгвю, что

²⁰ Legation de Russie. Bulletin. 7 марта 1812 г. — AN FVII, 6575, f. 486; Legation de Russie. Bulletin. 18 марта 1812 г. — AN FVII, 6575, f. 433.

²¹ Бассано — Куракину. Париж, 26 марта 1812 г. — АМАЕ, v. 154, f. 217.

²² Ibid., f. 303–308.

²³ Попов А.Н. Указ. соч., с. 130.

привезет ответ Его Императорского Величества, но, как кажется, мои известия о гнусном деле, которое возбуждено было сейчас после его отъезда, пришли вовремя, чтобы изменить это предположение. Признаюсь, я этому очень рад, потому что возникли бы тысячи новых неприятностей, если бы он снова здесь появился». И далее: «Я недоволен Вертингером за его жадность воспользоваться порученною ему уплатою, а также за то, что на допросе он сказал больше, чем следовало. Тем не менее, чтобы не возбудить его и сделать еще более против нас виновным, я, не выказав ему неудовольствия, построю ему золотой мост (*un pont d'or*), отправив его на родину в Вену»²⁴. Отправить Вюстингера в Вену Куракин не успел. 1 мая, в день казни Мишеля, Вюстингер был вновь арестован.

Куракин вновь заявил Бассано решительный протест. Последний предложил адресоваться к министру полиции. Савари в свою очередь ответил, что причина ареста Вюстингера является государственной тайной. Тогда Куракин составил новую гневную ноту и отправил ее Бассано. Посол напомнил, что Вюстингер – австрийский подданный и не может быть судим французским трибуналом и что его арест – это новый недружественный шаг со стороны французского правительства. В заключение письма Куракин выразил опасение, что и с ним, русским послом, французские власти могут поступить столь же вероломно, как поступили с Вюстингером²⁵. Однако добиться освобождения Вюстингера так и не удалось.

24 апреля наконец-то прибыл в Париж курьер из Петербурга А.Н. Сердобин (старший), побочный сын Куракина, состоявший при русском посольстве, который доставил письмо от Александра I для Наполеона²⁶ и письмо от Румянцева для Марсе²⁷. Одновременно Куракин получил и инструкции, содержащиеся в двух письмах, адресованных ему от Румянцева, и также помеченные 27 марта (8 апреля). Румянцев отмечал, что массированное передвижение наполеоновских войск «полностью разоблачает намерения Франции. Она фактически создает состояние войны между Францией и Россией». Куракину было поручено заявить, что «если главные силы французской армии переправятся через Одер или аванпосты на этом (на правом. – В.З.) берегу реки получат слишком сильные подкрепления, нам придется считать войну объявленной»²⁸. Первым и основным условием переговоров, как писал Румянцев, должно быть: 1) полная эвакуация французских войск из Пруссии, в том числе из крепостей по Одру, и 2) сокращение гарнизона Данцига. Кроме того, Франция должна дать обещание полной эвакуации Шведской Померании. Если Наполеон, по словам Румянцева, согласится с этими условиями, то Петербург будет готов отправить в Париж (как можно понять, для Куракина) соответствующие полномочия, либо же Наполеон может поручить ведение этих переговоров Лористону²⁹.

Подобные предложения в отношении условий, предворяющих начало переговоров, содержались и в письме Румянцева к Бассано. Письмо же Александра I к Наполеону было кратким: «Государь, брат мой, я с глубочайшим вниманием выслушал отчет полковника Чернышева о беседе, которое в[аше] в[еличест]во соблаговолили его удостоить перед его отъездом в Санкт-Петербург. Сообщения, которые князю Куракину поручено сделать министру в[ашего] в[еличест]ва, равно как и те, которые были сделаны им ранее, докажут всему миру, что я всегда готов урегулировать все спорные вопросы. Я и впредь останусь верен этим чувствам, и всё зависит

²⁴ Куракин – Румянцеву. Париж, 11(23) апреля 1812 г. – СИРИО, т. 21, с. 362.

²⁵ ЕМАЕ, v. 154 f. 353–355.

²⁶ Александр I – Наполеону. Санкт-Петербург, 27 марта (8 апреля) 1812 г. – АМАЕ. Supplement, v. 17, f. 315; *Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inedited. 1801–1812. Paris, 1891, p. 584; ВПР, с. 331.*

²⁷ Румянцев – Бассано. Санкт-Петербург, 17 марта (8 апреля) 1812 г. – *Nesselrode C. Lettres et papiers, t. 4. Paris, s.a., p. 211–222.*

²⁸ Румянцев – Куракину. Санкт-Петербург, 27 марта (8 апреля) 1812 г. – ВПР, с. 336–337.

²⁹ Румянцев – Куракину. Санкт-Петербург, 27 марта (8 апреля) 1812 г. – ВПР, с. 331–339.

только от в[ашего] в[еличест]ва. Прошу Вас верить, что я питаю к в[ашему] в[еличест]ву самое глубокое уважение»³⁰.

Через два часа после приезда Сердобина Куракин известил Бассано о получении писем из Петербурга и потребовал аудиенции у императора³¹.

Утром 25-го, в 7 часов, князь распорядился подготовить свой экипаж и с нетерпением стал ждать ответа от Бассано на свою просьбу об аудиенции у императора³². Однако такого приглашения не последовало. Куракин должен был ехать к Бассано, которому, надо полагать, вручил адресованное ему письмо и вновь просил доложить Наполеону о готовности лично передать послание русского государя французскому императору. Бассано ответил так: «Сегодня император будет на охоте³³, завтра в воскресенье у обедни и затем будет общий прием³⁴. Может быть, он примет вас в понедельник». «Я не ожидал таких отсрочек для получения письма нашего государя, когда император Наполеон постоянно выражал, что ожидает его с нетерпением», — написал Куракин Румянцеву 26 апреля³⁵.

Между тем 25 апреля Бассано познакомил Наполеона с русскими предложениями. Император высказал свое мнение по всем пунктам этих предложений — они не принимались. Однако сам факт готовности русских вступить в переговоры и начать обсуждение внушали надежду на то, что есть возможность и далее усыплять бдительность противника³⁶.

Аудиенция Куракина у Наполеона состоялась 27 апреля в Сен-Клу; она началась в 9 часов утра и продолжалась два с половиной часа. Наполеон предложил своего рода перемирие, «лишь бы только за 15 дней объявили о начале военных действий, если не достигнут соглашений», и просил русского посла «дня на два замедлить отправление» курьера в Петербург с сообщением о состоявшейся беседе «до приезда курьера от Лористона». «А между тем, — сказал Наполеон, — повидайтесь с Бассано. Постарайтесь устроиться с ним об этом перемирии»³⁷.

К полудню 27-го Куракин возвратился в посольство, как передавал французский информатор, «очень грустный» и очень недовольный. Куракин сразу потребовал к себе Д.М. Кологривова, состоявшего при русском посольстве, и приказал ему быть готовым к отбытию, а сам, запершись вместе с секретарями, начал писать³⁸. В тот час он определенно писал депешу Румянцеву, докладывая ему о состоявшемся разговоре с Наполеоном³⁹. Сразу затем Куракин бросился к Бассано, «чтобы узнать от него с большею подробностью и переговорить с ним о мыслях императора Наполеона на счет средств остановить на некоторое время неминуемое столкновение двух противных армий и с возможною осторожностью лучше подготовить соглашение, которого основания почти определены как с той, так и с другой стороны и которого,

³⁰ Александр I — Наполеону. Санкт-Петербург, 27 марта (8 апреля) 1812 г. — АМАЕ. Supplement, v. 17, f. 315.

³¹ См. Куракин — Бассано. Париж, 25 апреля (7 мая) 1812 г. — АМАЕ, v. 154, f. 356; СИРИО, т. 21, с. 342–343.

³² Legation de Russie. Bulletin № 110. 25 апреля 1812 г. — AN. AFIV. AP 204.

³³ Никаких свидетельств, что 25 апреля Наполеон был на охоте, мы не обнаружили.

³⁴ 26 апреля после мессы, приемов и представлений во дворце Наполеон был на семейном обеде по случаю приезда Евгения Богарне (Journal de l'Empire. 1812. 28 Avr.; Богарне — жене. Сен-Клу, 26 апреля 1812 г.— [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. Paris, 1858 (1860), t. 7, p. 329).

³⁵ Цит. по: *Попов А.Н.* Указ. соч., с. 133.

³⁶ Реакция Наполеона на послания из Петербурга хорошо видна из письма Бассано Лористону 25 апреля 1812 г. (АМАЕ, v. 154, f. 323–328).

³⁷ Куракин — Румянцеву. Париж, 15(27) апреля 1812 г. — СИРИО, т. 21, с. 362–379. Подробное изложение содержания беседы см.: *Попов А.Н.* Указ. соч., с. 133–143; *Vandal A.* Op. cit., p. 383.

³⁸ Legation de Russie. Bulletin № 111. 27 апреля 1812 г. — AN. AFIV. AP 204.

³⁹ Куракин — Румянцеву. Париж, 15 (27) апреля 1812 г. — СИРИО, т. 21, с. 362–367.

в сущности, кажется, желает сам император Наполеон»⁴⁰. По приезде Куракина министр иностранных дел первым делом указал на «примиренческий» характер речей Наполеона во время утренней аудиенции и на то, что император, как сказал Бассано, «даже не отказывается вас удовлетворить относительно очищения Пруссии, лишь только бы вы не выставляли исполнение этого условия в виде несогласном с его честью и достоинством». Когда Куракин указал, что не может отказаться от пунктов об очищении территории Пруссии и уменьшения гарнизона Данцига, Маре не стал возражать и согласился с тем, чтобы это осталось первым пунктом как своего рода свидетельство готовности к вероятному исполнению этого и предложил перейти к составлению проекта конвенции в целом. Собеседники условились встретиться на следующий день в 3 часа и представить каждый свой вариант этой конвенции⁴¹.

28 апреля, с утра, князь занялся отчетом для Румянцева о событиях 27-го, а затем отправился к Бассано. Куракин приехал к министру, имея уже в кармане проект конвенции. Однако Бассано объявил ему, что он еще не видел императора и встретится с ним только на другой день в Сен-Клу, а поэтому не готов сейчас обсуждать с русским послом какие-либо вопросы⁴². Куракин, не теряя еще надежды, отправился к французскому министру иностранных дел на следующий день. Зная, что тот утром был намерен побывать в Сен-Клу, Куракин явился в 4 часа пополудни. Бассано на месте не оказалось. Русский посол, прождав Маре полтора часа, возвратился к себе⁴³ и немедленно написал ему письмо. Куракин сетовал на то, что встреча с Бассано не состоялась, отметил, что вопросы, которые они должны были обсудить, чрезвычайно важны и что речь идет о двух империях и «обо всем человечестве». Наконец, сообщил, что чрезвычайно обеспокоен вынужденной задержкой с отправкой курьера в Петербург и надеется, что это удастся сделать к вечеру следующего дня⁴⁴.

30 апреля Куракин утром уже был на улице Дю Бак в здании министерства иностранных дел, и ему было объявлено, что Бассано находится в Сен-Клу. Куракин пишет ему письмо, напоминая о словах Наполеона о важности достижения соглашения и необходимости отправки курьера в Петербург⁴⁵. В тот же день русский посол отправил Бассано второе, более пространное послание, которое начал с сетований по поводу того, что не получил от французского министра иностранных дел никакого ответа по поводу редактирования проекта конвенции, хотя свой проект этой конвенции уже давно представил. Куракин писал, что идет день за днем, но он не может выполнить предначертаний своего государя. Далее он изложил основные положения проекта конвенции, полагая, видимо, что Бассано по каким-то причинам с ним еще не познакомился. К концу письма Куракин заявил, что в случае, если Лористон покинет Петербург, он также потребует паспорта и покинет Париж⁴⁶. Последнее заявление, как полагаем, было связано с двумя обстоятельствами: во-первых, с явным отсутствием намерения французского руководства войти в обсуждения проекта француско-русской конвенции; во-вторых, со словами Наполеона, сказанными им 27 апреля во время аудиенции в Сен-Клу, что он не исключает, будто Лористон уже выехал из Петер-

⁴⁰ Куракин – Румянцеву. Париж, 15(27) апреля 1812 г. – Там же, с. 379.

⁴¹ Куракин – Румянцеву. Париж, 16(28) апреля 1812 г. – Там же, с. 380–382.

⁴² Попов А.Н. Указ. соч., с. 148.

⁴³ Русское посольство в 1812 г. располагалось в двух комплексах – во дворце Телюссон и во дворце Бирона, находившемся, в отличие от дворца Телюссон, не на правом, а на левом берегу Сены, рядом с Дворцом инвалидов по улице Варен (ныне здесь музей Родена). Это здание было более «камерным», но также окруженным прекрасным парком. Совсем недалеко, на улице Дю Бак, находилось министерство иностранных дел Франции. Куракин предпочитал чаще всего находиться во дворце на улице Варен.

⁴⁴ Куракин – Бассано. Среда, 29 апреля, в 6 часов вечера. – АМАЕ, v. 154, f. 334.

⁴⁵ Куракин – Бассано. Четверг, 30 апреля, в 10 ½ часов утра. – Ibid., f. 335.

⁴⁶ Куракин – Бассано. Париж, 30 апреля 1812 г. – Ibid., f. 336–339.

бурга в связи с возможным переходом русских войск границы Пруссии или великого герцогства Варшавского⁴⁷.

Вместо встречи с Куракиным Бассано решил «прикрыться» К.Ф.Э. Мунье, секретарем императорского кабинета, которого по меньшей мере дважды отправлял к русскому послу с успокаивающими заявлениями. Вечером 1 мая Мунье сообщил, что прибывший из Петербурга курьер г-н Драгон привез депеши, будто бы не подтвердившие «тех опасений, которые имели место здесь в продолжение нескольких дней». Министр иностранных дел сообщил послу, что Лористон «по-прежнему в Петербурге и не думает выезжать оттуда. С ним по-прежнему обходятся самым приятным и самым вежливым образом»⁴⁸. Куракин ответил, что рад этим сообщениям и заявил Бассано о необходимости выдачи паспорта для секретаря посольства П.С. Бутягина, который должен был отправиться в Петербург курьером. Маре ответил, что не может выдать паспорта, поскольку-де Наполеон просил отсрочить отправку курьера. Куракин на это возразил, что император просил задержать «отправление курьера на два или три дня», но прошло уже шесть дней, и он намерен отправить курьера сегодня же. После гневных тирад Куракина Бассано вынужден был сказать, что тем же вечером испросит согласие императора на выдачу паспорта для курьера⁴⁹.

В ходе беседы Бассано уведомил Куракина, что в депешах Лористона из Петербурга были и очень беспокоившие Париж сведения: об объявлении в России рекрутского набора по два человека с 500 душ и об отъезде Александра из Петербурга с целью «осмотреть резервные корпуса, расположенные в близких к границам губерниях» и что императора будет сопровождать Румянцев, чьи обязанности на время его отсутствия будут возложены на товарища министра графа А.Н. Салтыкова. Бассано передал и некоторые подробности, сообщенные Лористоном об аресте М.М. Сперанского и М.Л. Магницкого⁵⁰.

Очевидно, что французское руководство не могли не волновать тревожные известия, приходившие из Петербурга и с границ Российской империи. Еще 17 марта были арестованы и высланы из российской столицы Сперанский и Магницкий, которые традиционно воспринимались как «профранцузская партия». Лористон терялся в догадках о причинах «падения» Сперанского. По его мнению, в равной степени могли быть два объяснения этого: 1. Результат действий англичан, стремившихся втянуть Россию в войну. 2. Недовольство преобразовательной деятельностью Сперанского внутри империи⁵¹. Сообщил Лористон и то, что в Петербурге настолько обеспокоены продвижением французских войск, что сообщения о появлении их в Кёнигсберге и Мемеле вызвали настоящую панику и что возможность выхода французов к Висле может спровоцировать ответные действия русских⁵². Уже 28 марта Лористон сообщил Бассано о том, что Александр I готовится к отъезду в Вильно⁵³. Хотя 8 апреля Александр I отправил Наполеону письмо, а Румянцев на имя Бассано предложения для переговоров, Лористон в тот же день сообщил, что отъезд русского императора из Петербурга может произойти со дня на день⁵⁴.

⁴⁷ См. Куракин – Румянцеву. Париж, 15(27) апреля 1812 г. – СИРИО, т. 21, с. 368–369.

⁴⁸ Полагаем, что курьером Драгоном были доставлены депеши Лористона от 11 и 14 апреля (*[Николай Михайлович, вел. кн.]* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. СПб., 1908, т. 6, с. 261–266). Сообщения от Лористона были не столь успокаивающими, как желало представить Куракину французское руководство и которого оно хотело «убаюкать».

⁴⁹ Куракин – Румянцеву. Париж, 20 апреля (2 мая) 1812 г. – СИРИО, т. 21, с. 384–391.

⁵⁰ Куракин – Румянцеву. Париж, 20 апреля (2 мая) 1812 г. – Там же, т. 21, с. 385–386.

⁵¹ Лористон – Бассано. Санкт-Петербург, 13 апреля 1812 г. – АМАЕ, v. 154, f. 379–381.

⁵² См., например: Лористон – Даву. 25 марта 1812 г. – *Ibid.*, f. 213–214.

⁵³ Лористон – Бассано. 28 марта 1812 г. – *Ibid.*, f. 224–225.

⁵⁴ Лористон – Бассано. 8 апреля 1812 г. – *[Николай Михайлович, вел. кн.]* Указ. соч., с. 260.

В ночь с 17 на 18 апреля в Петербург прибыл Дивов⁵⁵, который сообщил, что французские войска уже в Эльбинге. Александр I принял решение отбыть в армию. 20 апреля, обеспокоенный слухами, Лористон потребовал от Румянцева организовать аудиенцию у Александра I. Румянцев ему в этом отказал. На следующий день Александр I отбыл из Петербурга. Румянцев отправился вслед за императором вечером 24 апреля. «Курьер от князя Куракина, который ожидается, все еще не прибыл», — с беспокойством написал Лористон Бассано⁵⁶.

В целом настроения, царившие в Петербурге, напоминали те, которые были в Париже, с той только разницей, что положение князя Куракина было значительно более незавидным, чем Лористона. Российское руководство продолжало оказывать французскому послу всяческие знаки внимания, в то время как поведение Бассано и его хозяина Наполеона в отношении русского посла граничило с неприличием.

В первых числах мая в Париже ожидали известия об отъезде Александра I из Петербурга. Возможно, к 3 мая Наполеон и Бассано уже знали о том, что отъезд состоялся. 3 мая Наполеон принимает решение отправить в Петербург два послания — собственное письмо к Александру I и ноту от Бассано для Румянцева, дабы остановить на время русского императора от начала военных действий. «Мой брат, — писал Наполеон, поскольку мне дали знать, что Ваше [величест]во покинули Петербург, и граф Лористон теперь не подле Вас, я отправляю моего адъютанта графа Нарбонна с этим письмом. Он в то же время будет поддерживать имеющие важное значение контакты с графом Румянцевым. Это должно свидетельствовать Вашему величеству о моем намерении уклониться от войны и о моей приверженности духу Тильзита и Эрфурта. Как бы то ни было, я уверяю Ваше [величест]во, что если судьбе будет угодно сделать войну между нами неизбежной, это не изменит тех чувств, которые внушает мне Ваше величество и которые останутся таковыми независимо от всяческих превратностей и перемен»⁵⁷. В обширной ноте, отправленной от Маре Румянцеву и также помеченной 25 апреля, французский министр иностранных дел сообщал об усилиях, предпринятых Наполеоном вызвать Англию на переговоры (речь шла о письме Бассано к Г. Р.С. Каслри, ключевой фигуре в британском кабинете, от 17 апреля, продиктованном Наполеоном). Далее Бассано возлагал ответственность за обострение отношений на Россию и предлагал начать переговоры по спорным вопросам⁵⁸.

Между тем 5 мая Куракин вновь отправляется на улицу Дю Бак. Однако застать министра иностранных дел ему удалось только около половины пятого, после второго посещения. Бассано сообщил, что новых повелений от императора насчет обсуждения с послом спорных вопросов в отношениях между Францией и Россией он не получал. Куракин стал горячо пересказывать Бассано новости, о которых говорили в Париже, — о продвижении французских войск до Мемеля, об отъезде князя К. Шварценберга к австрийским войскам, собранным у русской границы, о прибытии в Париж неаполитанского короля И. Мюрата, о скором отъезде Наполеона с императрицей в Дрезден. Бассано всячески пытался уверить нашего посла в том, будто его беспокойство беспочвенно, говоря, что «еще будет времени для соглашений» и нет необходимости для спешки. Под различными предложениями Бассано стал отказывать Куракину во встрече с ним в ближайшие дни и согласился только с гипотетической возможностью такой встречи в пятницу 8 мая. «Если это свидание в пятницу будет так

⁵⁵ Возможно, речь идет об Адриане Ивановиче Дивове (1749—1814), жившем с 1801 г. вместе с семьей в Париже и возвратившемся в Россию накануне открытия военных действий в 1812 г.

⁵⁶ Лористон — Бассано. Санкт-Петербург, 24 апреля 1812 г.— [Николай Михайлович, вел. кн.] Указ. соч., с. 273.

⁵⁷ Наполеон — Александру I. Сен-Клу, 25 апреля 1812 г. — СГ. № 30492, р. 517. Письмо было помечено 25 апреля, дабы создать впечатление, что оно было написано до встречи с Куракиным 27 апреля. В архиве МИД Франции сохранился проект этого письма, написанный рукой Бассано, на полях которого стоит пометка «Отправлено 3 мая» (АМАЕ, v. 154, f. 333).

⁵⁸ ВПР, с. 749, примеч. 436; *Vandal A. Op. cit.*, p. 386—387.

же бесплодно по своим последствиям, в чем я уверен, то я намереваюсь послать герцогу Бассано решительную ноту, смысл коей будет в том, что, не получая 15 дней ответа на предложения... должен предполагать, что выбор остановился на войне». «Поэтому я объявляю, что если в продолжение двух дней я не получу ответа и хотя бы в продолжение этого времени я не узнаю об отъезде гр. Лористона из Петербурга, я сочту здесь присутствие совершенно излишним и буду вынужден потребовать моих паспортов, чтобы с прискорбием выехать из Парижа, поскольку не успел предотвратить войну и поддержать союз и мир, к установлению которых много посвящал трудов»⁵⁹.

На следующий день, 7 мая, в газетах появилось сообщение об отъезде Наполеона в Дрезден 9 мая. Куракин был ошеломлен: днем ранее Бассано уверял его, что не знает даты отъезда императора. Это заставило русского посла немедленно сесть за составление ноты, которую он и отправил в тот же день министру иностранных дел Франции. Куракин последовательно изложил ход событий начиная с приезда в Париж Сердобина 24 апреля, напомнил о реакции Наполеона в ходе аудиенции, когда тот предложил без промедления сесть за составление конвенции, и констатировал бездействие Бассано. Это, по его мнению, говорило о том, что решение о начале войны французской стороной уже принято. Поэтому Куракин счел долгом предупредить, что если в ходе предстоящей встречи его с Бассано не будет дано ясных ответов на предложения русской стороны, он воспримет это как свидетельство решимости воювать, и ему, Куракину, придется потребовать паспорта, чтобы покинуть Францию⁶⁰.

Вечером 7 мая Куракин получил уведомление от Бассано, что 8-го он его принять не сможет, поскольку едет в Сен-Клу⁶¹. В полдень 8-го Куракин отправил Бассано энергичное послание, в котором потребовал исполнения обещания о встрече⁶². Маре вынужден был согласиться принять Куракина и назначил ему встречу на час пополудни 9 мая.

Рано утром 9 мая Наполеон с частью своей свиты выехал из Сен-Клу и отправился в Дрезден. Утром того же дня, вероятно, уже зная об отъезде императора, Куракин отправляет Бассано два письма, в одном из которых он просит паспорта для курьера Кологривова, а в другом — трех паспортов для своих экипажей, походной церкви и нескольких лиц, состоявших при посольстве⁶³.

Русский посол приехал в министерство иностранных дел Франции в точно назначенное время и более часа просидел в приемной, ожидая, когда герцог закончит работу со своими помощниками. Наконец, в приемную, приглашая Куракина войти в кабинет, вышел Бассано. В депеше, написанной Румянцеву в тот же день, Куракин так воспроизвел начало разговора: «Вот, сказал я ему, вы видите, до чего вы меня довели. Содержание трех нот, которые вы от меня получили, объяснило вам причины, которые вынудили меня требовать паспортов». Бассано прервал Куракина возгласом: «Но как вы могли решиться на это, ведь такое поспешное решение возложит на вас ответственность за войну? Имели ли вы на то приказания императора, вашего государя?» «Император, мой государь, — отвечал Куракин, — не мог предвидеть и предполагать того, что случилось со мною, таких отсрочек ответа на мои предложения в продолжение пятнадцати дней. Я вижу, что император Наполеон решил уже на войну. Все средства приготовлены. Император уехал». Куракин, фактически выполняя полученные им еще 24 апреля инструкции от Румянцева, содержащиеся в конфиденциальном письме⁶⁴, потребовал от Бассано вместо «словесных объяснений» официальную ноту, в которой содержался бы ответ на три ноты русского посла, ранее отправленные

⁵⁹ СИРИО, т. 21, с. 391–397.

⁶⁰ АМАЕ, v. 154, f. 356–357; СИРИО, т. 21, с. 342–345.

⁶¹ СИРИО, т. 21, с. 400.

⁶² АМАЕ, v. 154, f. 360. Это письмо было написано на листах тонкой, некачественной бумаги, которая, по-видимому, в спешке оказалась под рукой.

⁶³ Ibid., f. 372.

⁶⁴ ВПР, с. 339–341.

им французскому правительству. Маре обещал это сделать. На вопрос Куракина о выдаче паспорта для курьера Кологривова Бассано ответил, что не может этого сделать, поскольку «ваш курьер в продолжение нескольких дней не будет иметь лошадей. Их императорские величества уехали, а их свита только теперь выезжает и покроеет все дороги и займет всех лошадей». На это Куракин сказал, что французский император поехал дорогой на Майнц, а он собирается отправить Кологривова на Страсбург, а оттуда на Вену. Бассано попытался найти возражения и на этот случай с явным намерением задержать сообщение в Петербург об отъезде Наполеона из Парижа.

В отношении задержки с ответом на три ноты Куракина Бассано уже в который раз поставил вопрос, имеет ли русский посол полномочия, «чтобы договориться, подписать и заключить конвенцию относительно затруднений, возникших между государствами». Куракин расценил этот вопрос как очерочную попытку «произвести замедление». На это Бассано заметил: «У меня есть полномочия, вы своих полномочий не имеете. Более года мы требовали, чтобы вас снабдили ими». Тогда Куракин переключил разговор на факт вторичного ареста Вюстингера. Бассано стал категорически отрицать, что знает что-либо об этом аресте, как и, по его словам, Савари. Куракин, как можно представить по тексту его депеши, стал задыхаться от возмущения и пообещал написать официальную ноту и на этот счет. Уходя из кабинета французского министерства иностранных дел, Куракин был полон решимости возвратиться туда на следующий день, в воскресенье, в 5 часов⁶⁵.

На следующий день, 10 мая, Куракин отправил Бассано письмо, где вновь потребовал паспорт для Кологривова, а также паспортов для многочисленных членов своего дома и походной церкви, которых собирался отправить в Россию через Вену. Помимо этого он потребовал ответа на три официальные ноты от 30 апреля, 6 и 7 мая, а также на письма, ранее им отправленные министру иностранных дел. В заключение он вновь поднял вопрос о своем паспорте⁶⁶.

Бассано в эти часы был занят завершением неотложных дел в Париже и подготовкой к собственному отбытию в Дрезден. Отправление было намечено на раннее утро 11 мая, о чем Бассано не торопился извещать Куракина. И всё же Маре сделал набросок письма для Куракина, в котором попытался изложить точку зрения Наполеона (а значит, и свою) на предмет странностей контактов с русским послом. Однако это письмо Бассано так и не отправил. Вместо этого он обратился с посланием к Наполеону, в котором спрашивал мнения императора, следует ли давать согласие на отъезд Куракина из Парижа и выдавать ли ему паспорта. Сам же Бассано полагал, что в паспортах послу следует отказать и задержать его в Париже. В отношении Кологривова предложил паспорт выдать, не указывая в нем, что тот едет в качестве курьера русского посла⁶⁷.

Вечером 10 мая Бассано набросал сообщение Куракину, из которого следовало, что он не сможет принять посла на следующий день, как было условлено, поскольку вынужден немедленно выехать из Парижа⁶⁸. Эту записку Куракин получил только 11 мая, когда Бассано в Париже уже не было. Негодование и обиду должен был чувствовать наш посол, когда читал эту записку. Более того, теперь он был совершенно уверен, что война обязательно начнется, а возможно, что она уже началась.

Сдерживая гнев и досаду, Куракин составил письмо герцогу Бассано, которое решил отправить ему вдогонку в Дрезден. Русский посол прежде всего написал о том, что вместо нескольких паспортов, им затребованных, он получил только паспорт для Кологривова без указания, что тот является курьером, а также указывал на уверения Бассано, будто он не собирался в ближайшие дни покидать Париж. Напомнил Куракин и о недопустимости молчания министра иностранных дел в ответ на три ноты, которые тому были

⁶⁵ АМАЕ, v. 154, f. 400–410.

⁶⁶ Ibid., f. 373.

⁶⁷ Ibid., f. 362–368, 374–375.

⁶⁸ Попов А.Н. Указ. соч., с. 159.

отправлены. Куракин повторил свои требования и объявил, что покидает Париж до тех пор, пока французское правительство не доставит ему паспортов. «Я удаляюсь за город, в Севр. Здесь я буду ждать ответа Вашего правительства в отношении возможности выехать тотчас же, как все мои дела будут улажены», — писал он⁶⁹.

Затем Куракин начал составлять послание для своего государя. Он выражал надежду, что его решение затребовать паспорта, о чем он уже не раз сообщал в Петербург, император все же одобрит. Далее он сообщал, что считает «себя уже частным человеком, окончившим свои служебные отношения. Я поселюсь в деревне (*à la campagne*), где мне будут приличнее выносить мое положение, находясь в некоторого рода плену, из которого умоляю Ваше Императорское Величество извлечь меня, потребовав, чтобы меня отпустили, используя те же способы, [которые используются в отношении меня], в отношении Лористона, на что вы имеете полное право»⁷⁰. В Петербурге поступили иначе; там закрыли глаза на то, что русский посол фактически оказался в заложниках. Никаких препятствий для выезда из России Лористона вместе со всем посольством и архивом не было создано.

20 мая, уже находясь в Дрездене, Бассано порекомендовал Куракину обратиться в бюро паспортов министерства иностранных дел⁷¹. В тот же день Бассано отправил Лористону копии нот Куракина, а также копии ряда других документов, связанных с требованием русским послом паспортов. Это требование, как пояснял Бассано, фактически означает объявление войны. Бассано предложил потребовать, чтобы Лористону дали возможность поехать в Вильно к Александру I и уведомить о нотах, представленных Куракиным. Если же Лористону в поездке откажут, следовало тотчас же уведомить французское руководство об этом курьером и самому подготовиться к отъезду из России⁷².

Вечером 27 мая Румянцев, находившийся в Вильно и получив через Салтыкова запрос Лористона по поводу желания последнего быть лично при особе русского императора, ответил, что Александр I, находившийся теперь среди своих войск, был бы рад видеть рядом посла государя-союзника, но обстоятельства этому мешают⁷³.

30 мая А.Б. Куракин вновь настойчиво потребовал паспортов для ряда своих людей, о которых писал Маре еще 9 мая. В начале июня Куракин попытался также добиться получения паспортов на выезд для генерального консула России в Амстердаме И.И. Смирнова, который уже прибыл в Париж, и для его персонала, а также для ряда других российских подданных⁷⁴.

Между тем 28 мая в Дрезден прибыл генерал-адъютант Наполеона Л. Нарбонн, ранее ездивший в Вильно с посланиями к Александру I и Румянцеву. Он сообщил Наполеону о том, что русский император подтвердил те заявления, о которых Куракин уведомил французское руководство еще 24—27 апреля⁷⁵.

Как известно, в связи с подготовкой ответа на письмо Маре между Румянцевым и Александром I возникли серьезные разногласия⁷⁶. Этот эпизод явно свидетельствовал о том, что ко времени приезда Нарбонна в Вильно позиции государя и Румянцева окончательно разошлись. Если на канцлера еще смогло произвести сильное впечатление привезенное Нарбонном сообщение, что Наполеон предложил британцам начать переговоры и что в случае их начала Александр I получил бы приглашение принять в них участие, а сами переговоры могли бы завершиться миром, «который затем мог

⁶⁹ АМАЕ, v. 154, f. 376—379.

⁷⁰ СИРИО, т. 21, с. 346—348.

⁷¹ АМАЕ, v. 154, f. 396.

⁷² Ibid., f. 398—405. На письме помета: «Отправлено с Прево (*Prevost*)». По-видимому, это отпуск письма.

⁷³ Ibid., f. 421.

⁷⁴ Ibid., f. 432, 425—426.

⁷⁵ См.: ВПР, № 160, с. 400—401; *Tatischeff S. Op. cit.*, p. 586.

⁷⁶ См., например: ВПР, с. 750, примеч. 438.

бы стать всеобщим»⁷⁷, то русский император смотрел на ситуацию более реалистично, воспринимая шаги французов как стремление затянуть состояние неопределенности.

Ранним утром 29 мая Наполеон покинул Дрезден и направился к армии. Прибыв в Торн и отдав указания Маре насчет внешнеполитического «прикрытия», император целиком погрузился в вопросы организации армии и подготовки к предстоящим военным действиям. 6 июня Наполеон отправился в Данциг, в то время как Бассано остался в Торне, готовя и рассылая многочисленные бумаги. 12 июня Бассано отправил Куракину послание, в котором напомнил о благородстве, проявленном Наполеоном после Аустерлица и Фридланда по отношению к разбитой русской армии и к императору Александру, возмутился требованием очистить Пруссию и троекратным (7, 11 и 24 мая) требованием русским послом паспортов. Письмо завершалось так: «Его в[еличест]во не может более сомневаться в намерениях вашего двора и приказал мне отправить ваши паспорта, возобновление требования которых означает объявление войны». Вслед за официальным сообщением, означавшим признание того, что Франция находится в состоянии войны с Россией, Бассано сообщал Куракину, что последнему, несмотря на получение им паспортов, перебраться через Рейн не удастся до тех пор, пока не состоится отъезд из России Лористона⁷⁸.

В тот же день, 12 июня, Бассано подготовил и отправил четыре (!) письма Лористону. Он отметил, что русское правительство решилось на войну, и его величество приказывает Лористону потребовать паспорта и пересечь границу. Лористон должен передать Александру ноту об объявлении войны через Салтыкова. К письму шифром была сделана приписка о том, что Лористон должен был сделать так, чтобы эта нота стала известна Александру I 22 июня⁷⁹.

Между тем к 12 июня Лористон оказался перед непростой дилеммой. В тот день фельдъегерь, возвратившийся из Вильно, привез ответ Румянцева на запрос Лористона, из которого следовало, что французскому послу отказано в приезде в Вильно. Проблема, которая встала пред Лористоном, заключалась в том, что, согласно инструкции, пришедшей ранее от Бассано, не получив возможности ехать в Вильно вслед за русским императором, он должен был запросить паспорта на выезд. Но следовало ли это делать прямо сейчас, тем самым окончательно обрекая две империи на войну? Посол Франции на свой страх и риск решил этого пока не делать и прибегнуть к такого рода действиям только в случае каких-либо явно враждебных действий со стороны русских. При этом Лористон, уведомляя о своем решении Бассано, уже знал о попытках Куракина получить паспорта и об отказе ему со стороны французского правительства⁸⁰.

21 июня, курьер, прибывший из Вильно, привез в Петербург известие о подписании мира между Турцией и Россией. Лористон, узнав об этом, одновременно получил сведения, что войска П.И. Багратиона начали движение с целью сблизиться с армией М.Б. Барклая-де-Толли. Лористон не исключал, что русские поступали так, опасаясь удара по центру расположения их армий с целью разъединения таковых. Сообщая об этом Бассано, Лористон одновременно писал, что курьер, с которым в Вильно был отправлен его ответ на отказ Румянцева принять его в Вильно, до сих пор не вернулся⁸¹.

В тот же день или утром следующего дня французский посол сел за составление ноты об объявлении Францией войны России⁸². Текст этой ноты определенно не был

⁷⁷ Там же, с. 401–402.

⁷⁸ АМАЕ, v. 154, f. 445–447.

⁷⁹ Ibid., f. 448–449.

⁸⁰ [Николай Михайлович, вел. кн.] Указ. соч., с. 288–290.

⁸¹ Там же, с. 290–291.

⁸² Как известно, текст ноты был опубликован в переводе на русский язык в «Документах внешней политики» (ВПР, с. 756, прим. 467) с глухой ссылкой «по архивным материалам». Мы обнаружили текст этой ноты в фондах Архива министерства иностранных дел Франции. Он не имеет даты и места. На нем имеется помета о том, что к ноте прилагались копии семи документов, призванных, как полагаем, подкрепить утверждения, содержащиеся в самой ноте (АМАЕ, v. 154, f. 434).

получен из Парижа, но был составлен самим Лористоном на основе инструкций, ранее полученных от Наполеона и Маре и помеченных 12 июня. При этом очевидно, что французский посол, в нарушение инструкций, из которых следовало, что нота должна была стать известной Александру I 22 июня, серьезно задержался с представлением ее Салтыкову. Более того, текст ноты указывал на действия Куракина чуть ли не как на главную причину разрыва отношений между империями, что могло бы помочь еще сохранить слабую надежду избежать открытого военного столкновения.

22 июня 1812 г. нота, составленная Лористоном, была вручена Салтыкову. Война началась.

Что касается Куракина, то он еще надолго останется во Франции, пытаясь отправить курьеров к своему государю и вывезти своих людей в Россию. Эти попытки будут иметь успех далеко не сразу. В то же время Лористон и посланцы государств, вступивших вместе с Наполеоном в войну против России, достаточно быстро получают паспорта на выезд. 22 июля они погрузятся в Кронштадте на русский фрегат и 7 августа придут в Пиллау⁸³.

Представленный материал, полагаем, позволяет нам сделать следующие выводы. Хотя очевидно, что война 1812 г. имела глубинные причины и была предопределена общим ходом событий начала XIX в., однако роль ключевых лиц этой великой драмы также была значительной. От степени понимания двумя императорами (Наполеоном и Александром I) намерений друг друга и их готовности пойти на сближение зависела не только быстрота, с которой две империи оказались на пороге войны, но и реализация слабой возможности предотвратить сам вооруженный конфликт. Заметное, хотя далеко и не первостепенное значение в событиях кануна войны, сыграла деятельность фигур «второго плана» — канцлера Румянцева, министра иностранных дел Маре, русского посла в Париже Куракина и французского посла в Петербурге Лористона. При всей определенности императивов в действиях как Наполеона и Александра I, Румянцева и Маре (в меньшей степени, чем Румянцева), так и Лористона и Куракина, нельзя игнорировать факт смены у них настроений, а как следствие — заметных колебаний в действиях. Полагаем также, что было бы несправедливо расценивать фигуру Куракина исключительно как декоративную, сыгравшую роль некоего прикрытия для действий русского двора. Обращение к французским архивным документам делает этот исторический персонаж не просто «занятым», но и приобретающим подлинно драматический и даже трагический оттенок. В ответе на вопрос о причинах превышения Куракиным полномочий следует полагать, что это произошло, во-первых, благодаря слишком буквальному следованию за инструкциями, которые были им получены, а во-вторых, по причине вызывающего поведения Маре и Наполеона по отношению к официальному представителю российского правительства. В новом, в отличие от того, как это было ранее в литературе, свете предстают действия Лористона, который отказался от прямого следования инструкциям, полученными от Бассано и Наполеона, и, как мог, попытался оттянуть формальное объявление войны России. Но и объявляя войну, Лористон по своей инициативе (а возможно, и поняв не выраженное прямо желание своего руководства) сделал это таким образом, чтобы при необходимости можно было всё свести к «случайному инциденту», вызванному малообдуманно действиями русского посла.

В целом погружение в событийный, по возможности детализированный процесс движения двух империй к войне дает, по нашему мнению, достаточно сложную и, без сомнения, захватывающую воображение картину «подлинного прошлого», в котором находится достойное место человеческой воле и человеческому поступку.

⁸³ АМАЕ, v. 154, p. 545. См. также: *ibid.*, f. 546–548.